

Вера Колочкова

Научите меня любить

Вера Александровна Колочкова

Научите меня любить

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976095
Научите меня любить: Центрполиграф; М.: 2011
ISBN 978-5-227-03139-6, 978-5-227-04682-6*

Аннотация

После учебы Катя Русанова не хотела возвращаться домой. Что угодно, только бы не под мамино крылышко. Стыдно признаться, но девушка не любила мать. И была уверена, что и мать не любит их: мужа и дочерей, Милку и Катю... Работу психолога в детском доме, которую нашла Кате активная и властная мама, героиня рассматривала как временную. Да и чему она могла научить детей, лишенных материнской любви? Ей самой в пору криком кричать на весь белый свет: «Научите меня любить!»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Вера Колочкова

Научите меня любить

Надо же – опять этот ненавистный сон. И ладно, если б страшилка привиделась, куда ни шло. Страшилка – это нормально, там образы всякие есть, яркие, сочные, их с пользой для себя расшифровать можно. А безобразие, что она видит, и сном не назовешь. Это скорее отдельное состояние организма, не имеющее специального определения. Не сон, не дремота, не забытие, а вялые бессюжетные танцы обнаглевших комплексов. Днем их не замечаешь, а ночью они тут как тут, формируются в особое сонное состояние. И фон у этого состояния – тревожно-серый. Зато – в движении. Огромная такая серая тень формируется, то ближе подходит, а то вдруг отдаляется, а потом – раз! – и начинают всплывать из тени лица, как самостоятельные персонажи: то мамино сердитое, с поджатыми губами, то Сонькино слегка презрительное, то лицо очередного несостоявшегося работодателя промелькнет. И она среди этих лиц – неприкаянно отстраненная. Всем улыбается виновато, пытается что-то объяснить... Страстно пытается, всякие нужные слова подбирает. А они никак не подбираются. Лица-персонажи смотрят, ждут, а она

лишь мычит да машет руками, пытаюсь отбиться от вязкой воспаленной тревоги, которая змеей выползает из подсознания и сжимает в кольцо плечи, шею, ползет холодом по позвоночнику. И хочется крикнуть что-нибудь веское, значительное, вроде того – изыди, проклятая тревога, не виноватая я! Не надо так явно себя демонстрировать, я и без того знаю, что ты есть! Мало того, я даже знаю, как с тобой бороться. По крайней мере, теоретически знаю. Но не могу, не могу...

– Кать... Катька! Да проснись ты, господи!

Катя открыла глаза, и Сонькино лицо выплыло перед ней живую – встревоженное, слегка припухшее, с размазанной под глазами тушью. Вовсе не презрительное, как привидевшееся сонное лицо-персонаж. И впрямь, с чего это оно должно быть презрительным? Иль в самом деле презирает ее подруга Сонька? Тайно, подсознательно? А что, зря же не приснится...

– Катък, ты так болезненно мычала во сне!

– Мычала?

– Ну да... А еще стонала и хныкала. Ужас как жалостливо. Я решила разбудить тебя на всякий случай. Что, кошмар приснился?

– Ага, кошмар... – садясь на постели, хрипло произнесла Катя, откидывая с лица спутавшиеся пряди волос.

– А что тебе снилось?

– Да ты знаешь, ничего особенного... В смысле ничего

страшного. Так, фигня какая-то.

– А почему ты хныкала, стонала и мычала?

– Не знаю... Сонь, а ты правда не сердишься, что я у тебя на халяву живу?

– Да иди ты знаешь куда!

Сонька яростно запахнула на точеной фигурке халатик-кимоно и решительно отвернулась, демонстрируя наполовину прикрытую шелковой тканью умопомрачительной красоты задницу. Потом, передумав, развернулась к Кате и с полминуты глядела на нее задумчиво. А наглядевшись, произнесла с нарочитыми нотками убийственного ханжества в голосе:

– Тебя что, серьезно вопрос халявы мучает? Хочешь об этом поговорить?

Они расхохотались так слаженно, в такой исключительный унисон, будто кто невидимый им отмашку дал. Вот за это она и любила Соньку – за ее способность любую проблему превращать в хохму. Ни в чем не терпела Сонька натужной серьезности, характер у нее был такой. Все семинары на их факультете под названием «психология менеджмента персонала» превращались в балаган, стоило преподавателю подняться с места Соньку. Хотя на семинарах с хохмами не особенно разбежишься. Учебный процесс все-таки, святое дело. Да и экзамен потом сдавать все равно придется. Зато на практических занятиях по проведению тренингов Сонька позволяла себе от души повеселиться! Изгалялась как могла,

низводя «святое дело» до фарса и тем самым всячески демонстрируя презрение к предмету. А заодно и к науке психологии как таковой. Ну, может, не совсем к науке, а к ее преподаванию в их дорогом (в прямом смысле этого слова) учебном заведении, которое, по мнению Соньки, было очень уж нелегально сомнительным и действующим по принципу «плати много – учись легко». Даже к результату своего четырехгодичного платного обучения, то есть к синенькой корочке диплома, Сонька отнеслась пренебрежительно – в строке «специальность» после слова «психолог» приписала через запятую карандашиком «...мать твою». А на законный Катин вопрос – зачем тогда училась? – ответила серьезно и односложно: жизнь длинная, пригодится.

Один бог знает, как они сумели сойтись в дружбе – порядочная серьезная девушка Катя Русанова и легкомысленная побрякушка Сонька Белоус. На примере их дружбы, наверное, можно целую диссертацию написать о проблемах и странностях коммуникативных составляющих в социуме. И сделать выводы. Что, к примеру, ей, Кате Русановой, дала собственная серьезность и порядочность? Да ничего! Училась она, в отличие от побрякушки Соньки, прилежно, а толку? Все равно работу как новоявленный дипломированный специалист-психолог по менеджменту персонала до сих пор не нашла. Где ж ее найдешь, эту работу? Можно подумать, работодатели в очередь стоят, чтобы умный специалист пришел и их персонал по всем статьям отмотивировал и отмо-

дулировал заодно. Но все равно искать надо. Только жить негде. Из общежития-то ее после окончания учебы, естественно, выпихнули. Можно было, конечно, домой, в родной захолустный городок, вернуться, но такой вариант Катя для себя даже не рассматривала. Вернее, рассматривала, но как самый последний, практически неприемлемый. Во-первых, там-то она уж точно по приобретенной в платных муках специальности никогда не устроится. А во-вторых, домой – это же значит под крыло к маме... Нет-нет, только не это! Лучше уж так, на халяву у Соньки. А к маме – упаси бог...

А вот Соньке ее легкомыслие принесло довольно ощутимые жизненные плоды. По крайней мере, последние лет пять точно приносит. Видимо, так уж звезды сошлись над ее девчачьей судьбой, начавшей свое течение в маленьком приморском поселке, куда занесло на отдых большого чиновника из их северного областного города. Какие-то грязи были особенные лечебные в санатории при Сонькином поселке, что ли, которые ему жизненно стали не обходимы... В общем, случилось так, что чиновник прикипел к малолетней тогда еще Соньке всем сердцем, организмом и кошельком. Так прикипел, что с собой привез. Снял квартиру, обеспечил неплохое содержание, честно выучил Соньку на их дорогом факультете «психологии менеджмента». В общем, хороший оказался папик. Добропорядочный. Даже обещал квартиру купить.

Сонька этой привязанностью очень дорожила. И в непре-

зентабельное понятие «содержанка» вкладывала свой, особенный, уважительный смысл, суть которого сводилась к одному – просто повезло. Другим – не повезло, а ей – повезло! И никто и никогда не сумел бы убедить ее в обратном. А если бы попытался, то Сонька быстренько отправила бы того убеждающего в далекое путешествие. Нет, не в пошло-эротическое, отнюдь. В другое. В тот самый приморский городок, где в служебной однокомнатной квартирке при санатории ютилась ее семья – мать, бабка и два младших брата. И где из всех возможных перспектив работы и зарплаты ждала ее одна-единственная перспектива – место какой-нибудь санитарки в их захудалом санатории с теми самыми лечебными грязями, которые когда-то так удачно приманили папика. Хотя, может, вскорости и такой перспективы уже бы не оказалось. Мать недавно письмо прислала, жаловалась: закрывают санаторий. А ее грозятся из служебной квартиры выселить. То есть обиняком намекала: не пора ли тебе, доченька, и с нами поделиться халявным своим «содержанием»?

Надо сказать, что свое «содержание» Сонька отрабатывала классически честно, в некотором смысле даже истово. Блюла свое тело в красоте и ухоженности, ловко и быстро умудрялась во время визита благодетеля создать «атмосферу», то есть насобачилась, как хамелеон, подпадать под все его настроение. Хочешь игривости – пожалуйста. Хочешь выговориться – я вся внимание. Хочешь «по-быстрому» – даже за унижение не приму. Вот она я, вся здесь и вся ваша,

дорогой папик. Зато никаких неясностей меж нами нет, все до предела прозрачно. Улыбка для тебя – самая что ни на есть искренняя, взгляд – влюбленный, восторженный и благодарный. Иногда ей даже казалось, что она и в самом деле его немного любит...

Неизвестно, по какой такой причине, но Сонькин благодетель никогда не сваливался с визитом как снег на голову. Может, просто не ревнив был. Деликатно звонил на мобильный – Софочка, дорогая, я буду примерно через часик. Эта его деликатность и позволила «дорогой Софочке» тайно приютить на оплачиваемой благодетелем жилплощади несчастную подругу-однокашницу. То бишь ее, Катю Русанову. А что? Целый час форы – этого вполне достаточно, чтобы убрать с территории «содержания» все признаки посторонней личности и самой посторонней личности вовремя смыться. Делов-то. Правда, здесь были свои неловкие для бедной Кати нюансы. Потому что хорошо, когда папик навещался к любовнице днем. Или вечером. А если, допустим, ближе к ночи? А если на всю ночь оставался? Тут уж ничего не попишешь – пожалте, уважаемая посторонняя личность Катя Русанова, на вокзал. И это еще благо, что он недалеко. Сидите и ждите, когда подруга Софочка отмашку даст – территория освободилась. Вот и эту половину ночи ей пришлось провести на вокзале. Только в пять утра удалось завалиться на половину широкой двуспальной кровати, которая еще и остыть от благодетеля не успела.

– Соньк... А который час? – потянувшись, спросила Катя и, откинув одеяло, спустила ноги на пол.

– А я знаю? Сама только-только от твоего мычания проснулась. О! – тут же округлила Сонька глаза, глянув на циферблат стильных часов, оставленных на прикроватной тумбочке. – Представляешь, уже два часа! Классно мы дрыхнули!

– Как – два? Ты что? У меня же на два собеседование было назначено! – всполошилась Катя, по-бабьи хлопнув себя по бедрам.

– Да ладно, собеседование у нее... Все равно толку от этих собеседований никакого. Ходишь, ходишь, как заведенная...

– Сонь, а что мне еще делать? Я ж не виновата, что никто меня не берет. Живу и живу тут у тебя, на хлебах...

– Ой, Катька, не начинай!

– Нет, и впрямь, Соньк... Что делать-то?

– Что делать? Не знаю я, что делать. Давай для начала умоемся и кофе испьем. И съедим чего-нибудь. Я вчера Алику мясо готовила, там осталось, по-моему.

– А что, у Алика аппетит пропал?

– Ладно, не хамя.

– Да я не хамлю... Слушай, а он у тебя кто вообще?

– В смысле? – подняла удивленно бровь Сонька, насмешливо взглянув на Катю.

– Да в смысле имени. Алик – это Александр, да? А может, Алексей?

– А я знаю? Сказал – Алик, значит, Алик. Мне его паспортные данные ни к чему.

– И что, за все эти годы тебе ни разу не захотелось узнать...

– Да бог с тобой, родная. На фига мне, сама подумай.

– Но как же... Неужели тебе не интересно?

– И что мне должно быть интересно?

– Ну, например, женат ли он...

– Ха! А ты сама-то как думаешь? Женат, конечно. И семью свою никогда, между прочим, со мной не обсуждает. Он мужик порядочный.

– А дети у него есть?

– Есть. Трое. И вроде как четвертый на подходе.

– А ты откуда знаешь, если он с тобой ничего такого не обсуждает?

– Да я и не знаю. Догадываюсь просто. Слишком уж часто наведываться ко мне стал. Жену бережет. Говорю же – порядочный...

– А о чем вы с ним вообще... разговариваете? Или... совсем не разговариваете? Пришел, молча мяса поел и сразу в койку?

– Ну почему... Он любит иногда посидеть, пофилософствовать... Или про свои министерские интриги порассказать. Ты знаешь, мне иногда кажется, я весь аппарат его министерства наперечет знаю – кто дурак, кто умный, кто сильно блатной... Между прочим, он обещал меня к себе на ра-

боту пристроить! А что? Диплом у меня теперь есть, дорога для карьерного роста открыта!

– Ух ты, здорово...

– А то! Здорово, конечно. Слушай... А чего это ты вдруг моей интимной жизнью заинтересовалась? Тоже хочешь в содержанки податься? Завидно, да?

– Нет-нет, что ты...

Катя так испуганно замахала на Соньку руками, будто перспектива пойти на содержание и впрямь должна была открыться перед ней незамедлительно. Не пропустила этот откровенный испуг и Сонька. Обиженно сузив глаза, она совсем было собралась выпалить свое к нему отношение, да в последний момент передумала. Ухмыльнувшись, окинула подругу быстрым пристальным взглядом, цокнула языком и произнесла медленно, даже с некоторым удовольствием:

– Да ладно, не маши ручонками-то... Тебе в содержанки дорога вообще заказана. И не потому, что шибко честная, а потому, что все равно фейсконтроль не пройдешь.

– В каком это смысле? – моргнула от неожиданности Катя.

– А в таком! Сейчас, когда умыться пойдешь, в зеркало на себя внимательнее посмотри!

– Сонь... Ты чего? – тихо протянула Катя, пожав плечами. И сама почувствовала, какими нерешительными получились и жест, и голос. Виноватыми будто. Хотя отчего ж виноватыми-то? Все вроде наоборот, это Сонька на нее наезжает, а не она на нее.

– Да ладно, прости... – махнула рукой Сонька слегка раздраженно. – Хотя... И в самом деле, посмотри, посмотри на себя! Вот скажи: когда ты в последний раз у косметолога была?

– Да я сроду ни к каким косметологам не ходила, ты что!

– Вот и зря не ходила. Посмотри, как у тебя рожа запущена! Кожа жирная, прыщи на лбу, как у малолетки какой. А фигура? Ну скажи, как можно жить с такой фигурой? Ты когда у себя талию в последний раз находила?

– Да я... Я просто по природе полная, в маму...

– Ну, не знаю... Может, маме твоей и полагается к возрасту заслуженный целлюлит иметь, а тебе зачем? Что, лень в тренажерке недельку попахать, да?

– Сонь, очнись, какая тренажерка! Где бы я денег нашла на все эти удовольствия! Ты же знаешь, как мы с девчонками в общежитии жили, – на одних макаронах днями сидели... И за учебу надо было платить... Мне мать денег тiku в тiku выдавала, за каждую копейку отчета требовала. Ты что, Сонь! Взяла наехала ни с того ни с сего...

Произнеся все это на одном дыхании, Катя быстро втянула в себя воздух, и горло, споткнувшись, вдруг непроизвольно выдало звук, похожий на всхлип. Нет, вовсе не собиралась она плакать! Еще чего, из-за Соньки плакать. Успела уже привыкнуть к переменчивости ее нрава, знает, что никакого серьезного злопыхательства за ним не стоит.

Сонькину горячность, однако, этот ее непроизвольный

всхлип остудил довольно быстро. Подскочив к Кате, она испуганно заморгала, возложив ладошку на трогательно выпирающую ключицу, начала виновато рыскать глазами по лицу. И тут же вздохнула с облегчением, не узрев на нем следов обиженной слезливости.

– Слушай, и впрямь... Чего я на тебя наехала? Это у меня, наверное, наследственное... Мамка моя, помню, пока с соседкой с утра не насобачится, ни за что на работу не пойдет. И я такая же! Свинья, говорят, бобра не родит...

– Ну что ж, хоть какая-то от меня в доме польза! – грустно усмехнулась Катя. – Буду теперь твоим мальчиком для битья. Не переживай, я стерплю, раз такое дело... Ты первая в душ пойдешь?

– Нет, иди, я потом...

В ванной Катя, как порекомендовала в своем наследственном утреннем порыве Сонька, принялась рассматривать себя в зеркале. Хотя не любила она это дело – себя рассматривать. Зачем? Если природа красотой не наградила, тут уж ни один косметолог не поможет. Ну да, кожа жирновата, конечно. И прыщи на лбу выскочили некстати. И макияж она толком делать не умеет, да и незачем – все равно глаза под очками прячутся. Правда, с волосами можно что-то приличное сотворить, волосы у нее хороши, тут уж ничего не скажешь. Может, подстричься как-нибудь по-модному? Хотя все равно денег нет. Вот если с первой зарплаты... О, несчастная зарплата, вожаемая и всеми силами души вымечтанная,

появишься ли ты в моей неприкаянной жизни, черт тебя побери, хоть когда-нибудь или нет?!

От горьких мыслей о зарплате на лбу тут же взбугрились два холмика, образовав меж собой продольную складку. Ни дать ни взять мамино выражение лица получилось – такое же опрокинутое тревожной заботой. Только у мамы эта складка уже в окончательную и бесповоротную морщинку превратилась. И под глазами у мамы горькие морщинки легли, и вдоль губ... Ладно, чего это она опять о маме! Надо скорее под душ прыгнуть, Сонька же там своей очереди ждет.

Стянув с себя пижаму, она снова невольно шагнула к зеркалу, мазохистски выставив на обозрение собственное тело. Да уж... Лучше не смотреть. Хотя... Это по сравнению с Сонькиными хрупкими косточками – лучше не смотреть. А если не сравнивать, то вполне даже ничего. И нисколько она не толстая. Просто более плотная, безо всяких там лишних окаянных изгибов. Зачем они ей, эти соблазнительные изгибы? Она ж в содержанки не собирается...

Однако скороспелое чувство неполноценности уже поселилось где-то там, внутри. Хотя про него и не скажешь так – поселилось. Чего ему селиться, оно там давно живет. Обвыкло, обросло привычками и живет. Конечно, с ним как-то бороться надо, да только не получается у нее. Пробовала – не получается! Видимо, корнями проросло. Вот и сейчас, подсунувшись под упругие душевые струи, она вдруг в полной мере ощутила свою неуклюжую громоздкость. Права Сонь-

ка, худеть надо. Талию определять. И чем быстрее, тем лучше. Хотя бы в этом плане попробовать ощутить свою полную ценность. Странно даже, почему она к этой проблеме относилась до сих пор пренебрежительно? Как-то не выступала на первый план эта проблема. Наверное, потому, что по сравнению с отсутствием зарплаты вкупе с жилищной неприка-
янностью не была проблемой как таковой.

Натянув на себя шикарный Сонькин халат и соорудив на голове тюрбан из полотенца, она еще раз подсунула было лицо к зеркалу, но тут же и вздрогнула от быстрого стука в дверь.

– Катък, телефон! Давай быстрее, тебе мать звонит!

Внутри тут же все сжалось, будто пропела свой короткий сигнал труба тревоги – ту-ту-ту-у-у... ту-ту-ту! Быстро открыв дверь, она буквально выхватила из Сонькиных рук трезвонящий мобильник, торопливо прижала его к уху и, втянув голову в плечи, почему-то на цыпочках побежала в комнату, придерживая сваливающийся с головы тюрбан.

– Да, мам, слушаю!

Так, отлично. Голос получился бодренький, радостный такой, будто она и впрямь рада была без ума маминому звонку.

– Здравствуй, дочь. Ну, что там у тебя с работой?

Мамин голос прозвучал в трубке, как всегда, устало и немного раздраженно, будто она очень сильно хотела, чтобы все окружающие оставили ее, наконец, в покое.

– Да все нормально, мам! Все отлично! У меня уже есть

два надежных варианта, и сегодня вот еще ходила в два учреждения, резюме оставила. И завтра пойду...

— А зачем?

— Что — зачем? — тихо опустившись на диван и поджав под себя ноги, спросила осторожно Катя.

— Ну... Зачем еще куда-то ходить, если тебя уже в двух местах берут?

— Да так, на всякий случай... Может, там денег больше пообещают...

Мать подозрительно замолчала, и Катя, прикусив губу, лихорадочно подыскивала слова, чтобы залепить ими, как пластилином, эту образовавшуюся в разговоре мучительную паузу. Иначе, не дай бог, перетечет в нее, как в дыру, все ее бодренькое вранье. А у мамы на вранье слух особенный, как у талантливого музыканта на фальшивую ноту.

— Нет, правда, мам! Если уж есть возможность выбора, надо же им воспользоваться! Лишние деньги не помешают, надо же будет квартиру снимать, сама понимаешь!

— А что, из общежития уже гонят? Я так поняла, что ты до первого сентября с администрацией договорилась?

— Ну да, до первого сентября. У нас заведующая общежитием, знаешь, славная такая тетка... Живи, говорит, Катюша, пока новые студенты не приехали. Так что все в порядке, мам.

— А как ты питаешься? Может, тебе овощей привезти? В огороде вон огурцов, помидоров полно.

– Нет, мам, не надо! Не надо ничего везти!

Так, а вот тут она уже прокололась. Потому что слова от-каза из нее выскочили, как истерический крик о помощи. Пришлось слегка закашляться, чтобы списать этот крик на нездоровье.

– Ты что, простужена?

– Нет, мам... Так, слегка горло побаливает...

– На ночь прими аспирин и завари липового цвету. По-смотри, он у тебя должен быть в баночке из-под чая, я при-возила.

– Да, я помню. Обязательно заварю. Спасибо.

– Домой на выходные приедешь? У нас тут новостей пол-но.

– Каких, мам?

– Ну, не по телефону же... Давай приезжай, все узнаешь.

– Я постараюсь, мам.

– Что значит – постараюсь? Если мать говорит – приезжай, значит, надо приехать!

– Да, да, конечно...

– Ну, все тогда. Я завтра тебе снова позвоню. И с работой не раздумывай, иди туда, куда берут. Поняла?

– Хорошо, мам.

Короткие гудки отбоя зазвучали в ухе нежнейшей музы-кой, и она без сил откинулась на спинку дивана, прикрыв глаза. Вошедшая в комнату Сонька, розовая после душа и ужасно хорошенькая, плюхнулась рядом с ней на диван,

толкнулась худеньким плечиком.

– Ну что, как прошел очередной отчет о дочерних успехах? Нормально?

– Нормально, Сонь... – вяло откликнулась Катя, не реагируя на насмешливые нотки в голосе подруги.

– Слушай, Катька... Вот убей меня, не понимаю: зачем ты ей врешь? Ну, сказала бы все по-честному... А то наворотила – и про работу, и про общежитие! На фига?

– Не могу, Сонь. Не могу я по-честному.

– Почему?

– Объяснять долго.

– Ты что, ее боишься?

– Боюсь.

– Да почему?! Как это, родной матери – и бояться? Зачем?

– Зачем, зачем... Глупый вопрос – зачем! Тогда уж спроси – почему... Я должна ее надежды в отношении себя оправдать, понимаешь? Кровь из носу, а должна. Семья у нас не такая обеспеченная, чтобы на ветер деньги бросать. Родители за мое хоть и нелепое, но высшее образование четыре года платили. А я теперь что, должна расписаться в собственной никчемности? Работу, мол, не нашла, живу на хлебах у подруги?

– Ну да. Врать, оно, конечно, лучше.

– А я и не вру... Все равно ж я ее найду когда-нибудь, эту работу! А если не найду, то вон, в ларек овощной устроюсь.

– Так в ларьке и дома можно...

– Нет. Дома – нельзя. Потому что мама меня там, дома, как бы это сказать... Она меня уже позиционировала, понимаешь? Как редкого и модного специалиста. Она очень, очень хотела, чтобы я высшее образование получила. Я же в школе хорошо училась, а экзамены в университет провалила.

– А почему, кстати?

– Да потому, что пятерки мои школьные... Как бы это сказать... Они у меня вымученные были, понимаешь? Мамина установка была такая: чтоб я на пятерки училась. А при такой установке количество в качество не переходит, наверное. В общем, я не знаю, как это объяснить...

– Да ладно. Поняла я. Ты просто зубрила со страху, а в голове ничего не оставалось.

– Ага... Помню, приехала домой, реву от стыда белугой! А мама меня тут же обратно и развернула – поступай, говорит, в какой угодно институт, но чтоб высшее образование у тебя было! Не важно какое. Любое. Пусть даже самое платное. В лепешку, говорит, разобьюсь, во всем отказывать себе буду, но чтобы было – и точка!

– Ну, так ты ж таки его получила! В чем проблема-то? Езжай теперь в свой Захарьевск, Макарьевск...

– Егорьевск. Я из города Егорьевска, Сонь. Маленький такой городок, провинциально-пришибленный. Правда, мама моя там личность довольно известная.

– А кто она у тебя?

– О, по нынешним временам большой начальник! Она в управлении Роспотребнадзора уже много лет работает. Через ее руки все санитарно-эпидемиологические заключения проходят, их еще гигиеническими сертификатами называют. Важная чиновница, одним словом. Тем более сейчас, когда каждый второй торговлей занимается.

– Ха! Так при таком блажном месте она тебя в два счета на работу пристроит!

– Ну да... Может, и пристроит... А только я сама туда не хочу, понимаешь? Са-ма! Ни за что не поеду в Егорьевск! Я там не смогу, не смогу...

– Значит, хочешь лишить мать законных дивидендов?

– Не поняла... Каких дивидендов?

– Каких, каких... Заслуженно эмоциональных! Сама же говоришь, что она четыре года в тебя инвестировала!

– А, ну да... Здесь ты прямо в самую точку попала, Сонь. Если я домой вернусь, то уже точно буду по рукам и ногам этими дивидендами связана. Как ты говоришь, эмоциональными. Не вырвешься. А самое смешное, что это будет красиво называться родительской за меня гордостью. И попробуй с этой дороги свернуть! Шаг влево, шаг вправо – расстрел. А у тебя что, не так? Твой Алик разве с тебя свои дивиденды не получает? Он-то уж, по-моему, стопроцентный в этом смысле инвестор...

– Э, нет, подруга! Не скажи! Не надо мешать все в общую кучу. Потому что у нас с Аликом все по-честному. Он

по-честному вкладывается, я по-честному отдаю. И никаких претензий сторон не имеется. Потому что он мне – никто! Он – чужой. Ни сват, ни брат, ни отец родной. А ты свои дивиденды за что платишь? За то, что родители в твою учебу вложились? Так они ж тебе не чужие! Они вроде как своему ребенку бесплатно помогать должны, из первородных родительских чувств-с... Ну что, чуешь подмену?

– Да чую, чую... Наверное, ты права, Сонь...

– Ты знаешь, Катька... Вот если бы моя мама мне могла помочь, я бы ни на минуту ни о каких дивидендах не задумалась. Потому что знаю: она меня просто так любит. Ни за что.

– Ага. Потому и в содержанки благословила.

Черт его знает, каким образом у нее эти обидные слова вырвались! И вовсе она не хотела ничего такого говорить... Отплатила за Сонькину доброту, получается. Вон как та сразу напряглась, как грозовая туча. Сейчас молнией ударит. И поделом.

Сонька, однако, не торопилась ударить в нее обидой. Сидела, молчала подозрительно. Потом вдруг тихо и грустно произнесла:

– Дура ты, Кать... Причем дура несчастная. Такая несчастная, что я и ругаться с тобой не хочу. Тоже нашла чем попрекнуть...

– Извини, Сонь. Я не хотела. Честное слово! Сама не знаю, как у меня...

– Да ладно. Можешь и дальше гордиться своей девичьей честностью. На здоровье. И пусть я по-вашему, по-честному, дрянь из дряней, проститутка и содержанка, но зато я свободна по-человечески, в сто раз более свободна, чем ты. И мать моя – свободна. Потому что она меня любит по-настоящему. И всегда будет любить, что бы я с собой ни сотворила. А ты – ханжа! И мать твоя – ханжа! И не любит тебя! И ты ее не любишь! Что, разве не так? Скажи – не так? Чего молчишь?

Ну что, что она могла Соньке ответить? Да ничего не могла. Нет, можно, конечно, и возмутиться праведно, и опровергнуть всякими доводами Сонькины слова, а только...зачем? Лучше уж так – отмолчаться. Потому что называть вещи своими именами – стыдно. Мало того, что стыдно – смерти подобно. Права Сонька – нет у нее никакой дочерней любви. У других есть, а у нее – нет, хоть тресни. Ничего нету, кроме тихого по отношению к матери раздражения. Да, именно раздражения, трусливого и мерзкого, которое шевелится внутри, как неизлечимая стыдная болезнь, и которое надо старательно прятать, запихивать каждый раз подальше в его вонючее логово. Нет, правда, ужасно же стыдно! Как это – маму не любить? Да еще, не дай бог, в этом откровенно признаться? Нет, язык не повернется взять и бухнуть сейчас Соньке вот так, за здорово живешь, что она в этом смысле такая дефективная. Что-то вроде морального недокормыша. Лучше уж так – промолчать. Или перевести разговор на дру-

гую тему. Только надо быстро его перевести, придумать что-нибудь половчее. Например, позвать Соньку на кухню, они вроде завтракать собирались...

Однако ничего хорошего из этой попытки не вышло. Не успела она. Надо было сразу Соньку на кухню звать, а не отмалчиваться целую минуту. Сама виновата – проворонила, не заметила, как подкрались невзначай слезы жалости к себе, несчастной, дефективной и морально уродливой. Подкрались и ударили по глазам, и даже вздохнуть толком не получилось. Вырвался наружу горестный всхлип и затих, будто испугавшись.

– Кать... Ты чего? Ты реветь собралась, что ли? – подпрыгнув, развернулась к ней всем корпусом Сонька.

– Н-н-ет... Нет, что ты...

– О господи... Чего ты меня все время пугаешь своими всхлипами? Я что, больную тему задела, да? Ну прекрати, Кать...

– Все, все, не буду. Честное слово, не буду. По... пойдем лучше кофе пить...

– Так и пойдем! Чего мы тут, в самом деле, обоюдный китайский психоанализ развели?

– Почему китайский? – уже сквозь слезы смеясь, поднялась с дивана Катя.

– Да потому что мы с тобой такие же психологи, как китайский товар на рынке у вокзала! Этикетки красивые, а качество – дрянь. Дипломированные специалисты, мать твою...

– Ну, уж с вопросами менеджмента персонала я всяко раз-
но бы справилась, если б меня на работу взяли!

– Ага. А то без тебя никто больше не разберется, как на-
до с персоналом поступать. Что, завтра опять по фирмам в
поход пойдешь?

– Пойду, конечно!

– Ну-ну... Давай, старайся. Слушай, у меня тут блузка та-
кая в меру сексуальная есть, она мне велика. Надень ее зав-
тра. Может, не так убого смотреться будешь. И косметику я
тебе свою дам, прыщи замажешь. Хочешь?

– Не, Сонь, не надо...

– Да ладно, чего отказываешься! Бери! Фейс подправишь,
блузку наденешь, за крутую сойдешь! А там, глядишь, и с
работодателем повезет...

Зря она согласилась на Сонькину в меру сексуальную
блузку. И ничего в ней сексуального не было, кроме сплош-
ного неудобства. На груди повыше натянешь – с плеч спуска-
ется. На плечи натянешь – грудь выставляется так откровен-
но, будто она на панель собралась. Хорошо еще, что пиджак
догадалась с собой захватить. Смешно, конечно, в несусвет-
ную августовскую жару пиджак на себя напяливать, а что де-
лать? Не терять же день из-за таких не удобств!

День для конца лета выдался действительно жаркий, что
тоже можно по большому счету отнести к неудобствам. И
откуда вдруг принесло эту несусразную жару? Август – он же

довольно достойный месяц, в смысле приличной одежды. Ни маечек, ни легкомысленных юбочек уже не допускает. Тем более отсутствия колготок на ногах. А тут – здрасте пожалуйста! Солнце шпарит так, что поневоле раздеться хочется. Хороша же она будет, когда предстанет перед потенциальным работодателем – в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, распаренная, с плывущим по лицу модным Сонькиным макияжем. Хотя чего это она бежит впереди паровоза? Главное же не в том, как она выглядит, а в том, чтобы вообще, в принципе на этого потенциального работодателя набрести, хотя бы на самого завалыщенького. Сколько уже по разным конторам ходит, и никакого толку. Не понимают работодатели своего счастья, не хотят свой персонал ни правильно формировать, ни мотивировать, ни модулировать. Но не надо отчаиваться! Может, именно сегодня и найдется какой-нибудь шибко продвинутый, который ее осчастливит? Вернее, она его...

О, а вот в этом неказистом сером здании, наверное, точно пара контор находится. По крайней мере, вывески какие-то на дверях присутствуют. Так, почитаем, что это... Похоже, акционерное общество. Уже хорошо. И название красивое – «Альфа-кризис». Ну что ж, попробуем соблазнить на мотивацию персонала эту самую альфу с кризисом. Где наша не пропадала.

Прощмыгнув мимо равнодушного охранника в застиранной пятнистой форме, Катя не спеша зацокала каблуками

по длинному коридору, нацеливаясь на гостеприимно распахнутые в конце его тяжелые стеклянные двери. Там, скорее всего, и есть приемная этой конторы с красивым названием. Ага, таки она не ошиблась! Точно, приемная. Самая что ни на есть типовая. Все по шаблону, не хуже, чем у других. Прохладный по контрасту с душной уличной жарой кондиционированный воздух, запах кофе с коньяком, окно-жалюзи-цветочки, гордая секретарша-нимфетка притопывает шпилькой в такт незамысловатой тихой музыке, льющейся откуда-то сверху, и дверь в кабинет шефа чуть-чуть приоткрыта, и даже голос его слышен – по телефону с кем-то ругается. Строгий, видно, шеф-то. Но это ничего, что строгий. Значит, умный. Хотя и не факт...

– Здравствуйте. Вы к Денису Андреевичу? – холодно-вежливо подняла на нее кукольное личико нимфетка.

– Да. Я к Денису Андреевичу. Можно? – рванула было сразу к двери шефа Катя.

– Нет, погодите! Денис Андреевич пока занят, у него важный звонок! И представьтесь, пожалуйста! Вы по какому вопросу?

– Я не по вопросу. Я с очень деловым предложением.

– Что, так и доложить? С деловым предложением? – растерянно моргнула глазками секретарша.

– Да. С очень деловым. Денис Андреевич будет в нем явно заинтересован. Так я войду? По-моему, он уже освободился...

– Но как же... Я же обязана доложить...

Растерянный девчачий голосок у Кати за спиной пискнул и затих за закрытой дверью. А вот и Денис Андреевич. Ничего себе, славный такой. Молодой, симпатичный. Это хорошо, что молодой. Значит, есть надежда, что понятие менеджмента персонала как системы его планирования, организации, мотивации и контроля его не испугают. По крайней мере, руками испуганно на нее не замашет. А что, было и такое. Как в предыдущей конторе, например. Там лысеющий во все стороны дядька-начальник и слова не дал сказать, махнул пухлой ладошкой – что вы, говорит, милая барышня, я и словов-то таких не знаю. Так и сказал – «словов»...

– Здравствуйте, Денис Андреевич! – бодренько произнесла Катя, аккуратно присаживаясь за придвинутый к большому столу начальника столик поменьше. – Очень приятно познакомиться! Меня зовут Екатерина Русанова, я специалист по менеджменту персонала и у меня к вам деловое предложение! Скажите, вы довольны работой своего персонала?

О господи, кто бы только знал, как ей трудно дается вся эта бойкая трескотня-пронырливость! Будто сама себя в спину толкает – давай, давай... А внутри все дрожит противной неловкостью. Так и задушила бы эту неловкость собственными руками, чтоб жить не мешала. Но что делать – не задушишь ее, не убьешь. Слишком уж старательно мамины педагогические постулаты в ее душе проросли – про то, что скромность девушку якобы украшает. Вот и вызрели из этих

постулатов плоды – сплошная зажатость да неуверенность в себе. Хорошо, хоть научилась пронырливости из пространства прихватывать. Немного. Как бы взаимы.

Надо же, а молодой начальник на ее трескотню вроде купился! Задумался, бровки к переносью свел. Что ж, это уже хорошо. Сидит, смотрит немного рассеянno, карандашиком по столу постукивает. Сейчас главное – инициативы из рук не упустить...

– Я думаю, Денис Андреевич, вы согласитесь со мной, что многие люди ходят на работу совсем не потому, что так уж хотят работать, а по совокупности разного рода причин. Конечно, главная причина – это получение зарплаты, но согласитесь, что каждый при этом подсознательно рассчитывает на некоторую синекуру...

– Я так полагаю, это всего лишь прелюдия к вашему деловому предложению? – продолжая постукивать карандашиком по столу, тихо спросил Денис Андреевич.

Так. А вот это уже плохо. Потому что очень уж насмешливо прозвучал вопрос. Можно сказать, издевательски. Но ничего – врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...

– Если хотите, я сразу перейду к самому деловому предложению.

– Да. Хотелось бы. Только очень коротко. У меня много работы.

– Да, да... В общем... Я специалист... То есть я психолог по персоналу... Я могу поработать с каждым вашим сотруд-

ником относительно выработки модуля мотивации, разработать общую концепцию по преодолению ограничений...

– Не понял... Каких ограничений?

– Ограничениями в менеджменте называют факторы, которые сдерживают потенциал и результаты деятельности коллектива. То есть если говорить простым языком – это просто «недоразвитые» способности. Многие, например, не умеют управлять собой, имеют размытые личностные ценности и смутные личные цели как тенденцию в остановке саморазвития. Я уж не говорю о недостатках навыка решать проблемы и отсутствии творческого подхода к порученному делу...

– Да понял, понял.

– Ну вот! А я могу...

– Так вы что, на работу ко мне проситесь?

– В общем... да... Я могу...

– Что ж, вынужден вас огорчить. У меня нет возможностей для вашего трудоустройства.

– Но вы же меня не дослушали!

– Простите, но у меня действительно нет времени вас послушать. Всего доброго. Приятно было познакомиться.

– Что ж, очень жаль. А может...

– Нет. Не может. И не смотрите на меня так, будто я на вас кулаком замахнулся. Думаю, я не первый и не последний, кто вам отказал. Просто время сейчас такое – кризисное. Не до жиру. А вы не отчаивайтесь! Такая интересная девушка

всегда себе работу найдет.

– Спасибо...

– Да не за что. Кстати, в нашем здании еще несколько фирм сидит... Вы побродите, поспрашивайте, может, кто и заинтересуется вашими... ограничениями. Удачи вам!

Он деловито придвинул к себе какую-то толстую папку, стал перелистывать бумаги озабоченно, и Кате ничего не оставалось, как тихо покинуть кабинет. С очередным плевком в душе. Да еще и секретарша-нимфетка глянула так сердито, будто она на ее место проситься приходила. Не сердись, милая! Если б ты знала, какая это доля тяжелая – себя предлагать. Чувствуешь себя немного проституткой...

Покинув прохладно-кофейную территорию негостеприимной приемной, она поднялась на второй этаж, огляделась. Ну, и где эти несколько фирм, о которых упомянул Денис Андреевич? Все двери закрыты наглухо, и никаких опознавательных табличек на них нет. Не стучаться же в каждую. О, а вон там, кажется, дверь открыта...

– Здравствуйте... – осторожно заглянула она вовнутрь, обнаружив за открытой дверью уютное помещение с мягкими диванами и работающим в углу телевизором.

– Здравствуйте! – бодро откликнулись на ее приветствие двое симпатичных молодых мужчин, флиртозно расположившихся на мягких диванах.

– Извините, а можно спросить...

– Спрашивайте!

Один из мужчин встал с места и, чуть склонившись корпусом вперед, немного театрально повел рукой в приглашающем жесте:

– Чего ж вы на пороге... Вы заходите, пожалуйста!

– Спасибо... Я просто хотела спросить... А у вас тут что? У вас тут фирма располагается, да?

– Конечно. Все именно так. Позвольте представиться – я генеральный директор, меня Гошей зовут. А это мой заместитель – Карен. А вас как зовут?

– А я – Екатерина Русанова. Я специалист по менеджменту персонала, и у меня к вам деловое предложение. Скажите, вы довольны работой своего персонала? – оттрубила она на одном дыхании ставшее привычным вступление. Прелюдию, как насмешливо назвал его Денис Андреевич.

Как-то слишком уж они странно переглянулись, директор и его заместитель. Ей даже показалось, с трудом смех сдержали.

– Да! Мы очень, очень довольны работой своего персонала! И были бы счастливы, если б и вы согласились стать его частью! Такая симпатичная особа, как вы, очень украсила бы наш персонал!

– Что, правда? – растерянно моргнув, недоверчиво улыбнулась Катя. – Вы... Вы действительно хотите, чтобы я... Но ведь я даже не объяснила, в чем суть моей деятельности...

– Да мы сами тебе все объясним, дарагая... – с очень кавказским акцентом вальяжно произнес тот, который Карен,

демонстративно ее разглядывая. – Только, па-моему, тебе нужно немного пахудеть. Савсем чуть-чуть...

– Похудеть? Зачем?

– Как – зачем? Ты же на работу пришла, дарагая. А наши клиенты пиридпочитают персонал нимножка худенький, странное дело, да?

– То есть... Какие клиенты, не поняла? У вас что здесь за фирма вообще? Публичный дом, что ли?

– Ай, зачем обижаешь, дарагая...

– Тихо, Карен. Не пугай девушку, – торопливо вступил в разговор второй мужчина и, подойдя к Кате вплотную, дружелюбно заглянул ей в глаза.

– А я и не боюсь. Чего мне вас бояться? – попыталась она улыбнуться.

– Я понял, ты работу ищешь, да? Этим хочешь устроиться, как его... Фу, черт, забыл...

– Я специалист по менеджменту персонала. Хотя это уже не важно... Простите, я пойду. Видимо, дверью ошиблась.

– Слушай... А может, ну ее, эту работу? Успеешь еще, навкальваешься в своем менеджменте за мизерную зарплату. Ты ж молодая, симпатичная, наверняка и одеться хочется, и покушать... Поработай у нас, встань на ноги, денежку подкوبي...

– Это что, проституткой, что ли?

– Ну зачем так грубо! Проститутки на точках стоят, а у нас тут девочки все приличные. Студентки в основном. И за-

мужние дамы есть. А что – работа как работа, хорошо оплачиваемая. Соглашайся, не пожалеешь. Заодно и в специальности попрактикуешься, мы тебе пару тренингов на мотивацию организуем.

– Хм... – растерянно протянула Катя, не разжимая поехавшего в скептической улыбке рта.

Очень уж ей хотелось рассмеяться по-настоящему, да не посмела. Нет, это только представить себе на минутку – она проводит тренинг для проституток! На мотивацию! Надо будет вечером Соньке рассказать, вот тогда и посмеяться можно от души. А здесь – лучше не надо. Кто его знает, как эти сутенеры прореагируют. Она где-то читала про всякие их коварные жестокости. В общем, надо смываться отсюда как можно вежливее. С улыбкой и пожеланиями успехов в труде. И побыстрее, побыстрее...

Выйдя на улицу, она вздохнула тяжело и в то же время с большим облегчением – хватит с нее на сегодня. Остальные полдня объявляются свободными и радостными. Иначе с ума сойти можно. Правда, по части радостей выбор был невелик – только прогулка и мороженое. Ну и что? Зато в проститутки не соблазнилась. Что ж, тоже хлеб. Почтем и это за радость – чувство самоуважения к себе как к личности. Так, где же тут мороженое продают, надо оглядеться...

– Катька! Ну где ж ты шляешься, господи ты боже мой! – неожиданно обрушила на нее свое нетерпение Сонька, от-

крыв дверь. — Я тебе звоню, звоню!

— Так у меня в мобильнике утром еще батарейка села...

— А зарядить слабо было?

— Зачем? Все равно у меня там денег нет. Да что случилось, Сонь? Ты нервная какая-то...

— Конечно, нервная! Алик после обеда звонил, сказал, к семи подъедет. Время — шесть! А тебя все нет и нет!

— А... Понятно. Я сейчас уйду, Сонь. Только это... Я голодная очень. Чаю попить успею?

— Да в том-то и дело, Кать, что... Ну, в общем, я тебя попросить хотела... Только дай слово, что не будешь выпендриваться и козью морду строить!

— О чем попросить, Сонь?

— Нет, ты сначала слово дай!

— Ну, даю...

— В общем... Ты должна, ты просто обязана меня выручить! Тут такое дело... Алик-то не один будет. К нему какой-то мужик в командировку приехал, то ли проверяющий, то ли еще кто... Я толком не поняла. Ну и...

— И... что?

Предчувствуя недоброе, Катя отступила от Соньки на шаг, втянула голову в плечи и, как ей показалось, приняла оборонительную бойцовскую стойку, то есть сжала кулаки и слегка повернулась боком. Наверное, и на лице у нее в этот момент образовалась та самая козья морда, которую она так опрометчиво пообещала не строить. Ну да, пообещала! Откуда ж

она знала, в чем заключается Сонькина просьба? Да если б знала...

– Ой, только вот этого не надо, Катька, умоляю тебя! – искательно, но и с некоторыми нотками раздражения в голосе произнесла Сонька. – Чего ты сразу напыжилась, будто я тебя на панель приглашаю? Я же просто выручить прошу, поддержать компанию...

– То есть переспать с товарищем твоего папика? Для пользы его дела? Чтобы командированный проверяющий доволен был?

– Ну, в общем, да... А что тут такого? Понимаешь, Кать, я же не могу Алику отказать... Так что, считай, ты меня выручаешь, а не его. А, Кать? Ну, всего один раз... Пожалуйста!

– Соньк! Да ты хоть понимаешь, о чем меня просишь?

– Ой-ой! А о чем таком я тебя прошу? Подумаешь, целка-недотрога! Честная девица! Или ты со своим Парамоновым того... Ни разу не согрешила?

– Сонь... Не надо сейчас про Парамонова, ладно? Я же тебя просила...

– Ладно, не буду. Тоже нашла о ком страдать. Маменькин сынок недоделанный. Бросил тебя, и правильно сделал. А то бы пришлось его проклятую инфантильность на своем горбу таскать. Всю жизнь. Оно тебе надо?

– Соня!

– Все, все, молчу... Не лезу в душевную рану грязными пальцами! Так, значит, договорились?

– Нет!

– А вот это ты зря, подруга... Не заставляй меня пускать в ход тяжелую артиллерию. Я ведь тоже могу того... обидеться могу... Так могу психануть, что вмиг с вещичками на вокзале окажешься. Будешь оттуда маме по телефону врать, что добрая тетя из общежития тебя до сентября пожить пустила! Один раз соврешь, потом другой, а потом и делать ничего не останется, как билетик купить да к маме в Макарьевск тащиться!

– В Егорьевск, Сонь.

– Да какая разница? Макарьевск, Егорьевск – одна хрень. Хочешь к маме, Кать?

– Нет!

– Тогда договорились? Да? Это же всего один раз! А один раз – не считается! Договорились?

– Хорошо... До... договорились...

Слова вытолкнулись из нее так, будто она им не хозяйка была. Прозвучали жалостливо и картаво, будто язык онемел от ужаса, страха и презрения к самой себе. Да еще и холодный пот прошиб, и к горлу подступило что-то противное, мерзкое, шершавое. И колени задрожали – не упасть бы. А может, и впрямь взять и упасть, и умереть тут, в Сонькиной прихожей. И пусть они тут... плачут. Мама узнает – тоже заплачет, наверное. А Игорь Парамонов, интересно, заплачет? Нет, наверное. Он уж и думать про нее забыл. Женился и забыл. Хороший он был, Игорь. Добрый, веселый...

– Э! Э! Кать! С тобой все в порядке? – прозвучал где-то рядом тревожный Сонькин голос. – Не пугай меня! Ну чего ты, в самом деле! Очнись, Кать!

– Да ладно, Сонь. Все в порядке. Просто... накатило на меня что-то. А так – что ж. Надо так надо. Я согласна, Сонь.

– Кать, ну не надо таким загробным голосом, а? И вообще... Ты не думай, что я... Я же все-все про тебя понимаю! Честная ты, порядочная, тебе все это противно... Но ты меня тоже пойми! Ну где, где я сейчас для этого Аликова товарища подругу найду? Ему ж не абы как, ему порядочную подавай... Алик так и сказал – чтоб именно подругу! Один раз, Кать! И все! А один раз точно не считается. Говорят, все надо в жизни испытать, хотя бы один раз.

– Ну да... А еще говорят – единожды солгав...

– Ой, да ну тебя! Заиклилась! Ты в какое время живешь? Тоже мне благородная девица голубых кровей! Можно подумать...

– Ладно, все! – провела дрожащими ладонями по влажным щекам Катя. – Хватит надо мной причитать. Сказала же – согласна!

– Ага, ага... – затанцевала вокруг нее Сонька. – Тогда пойдем на кухню, надо же еду приготовить какую-то, стол успеть накрыть... Хотя нет! Иди-ка ты лучше в порядок себя приведи. И румян побольше на рожу плюхни, а то бледная такая, будто тебя к смертной казни только что приговорили. Не дрейфь, Катька, прорвемся! Чем черт не шутит, может,

тебе еще и понравится...

— Ага. Непременно понравится, — растянула губы в жалкой ухмылке Катя. — Меня, кстати, сегодня на должность прости-тутки уже приглашали. Я еще подумала — приду домой, и мы с тобой вместе посмеемся...

— Катя! Я тебе честное слово даю! Один раз и все! Ты мне веришь? Один раз!

Подойдя совсем близко, Сонька даже выставила для пущей верности палец перед ее глазами, и Катя поневоле сосредоточила взгляд на хищном красном ногте, сведя глаза к переносице. И вяло мотнула головой — верю, мол.

Закрывшись в ванной, она неумело провела процедуру приведения себя в порядок, воспользовавшись богатым выбором Сонькиной косметики. И румян «плюхнула на рожу» достаточно, разметав их по скулам с мазохизмом отчаявшегося ангела перед первым падением. Потом, на шаг отойдя от зеркала, подмигнула своему презренному отражению — ну что, приличная девочка Катя Русанова? Готова к разврату? Интересно, какие у них, у падших ангелов, расценки за первый разврат? Как там у Островского? Не нашла любви, так буду искать золота? Хотя в ее случае правильное будет звучать — не нашла работы...

Так, с лицом — порядок. Если можно назвать порядком то, что она на нем изобразила. Теперь надо поведенческий стереотип на помощь призвать, как давеча она призывала на помощь пронирыливую трескотню. А может, и не надо ничего

призывать. Сонька же сказала, что Аликову приятелю нужна девушка обыкновенная, порядочная. Наверное, надо самой собой быть. Хотя – как? Как можно быть самой собой в предлагаемых обстоятельствах? Да и вообще – есть ли она сама у себя как таковая?

Долгий требовательный звонок в дверь заставил ее вздрогнуть, и тут же Сонькина ладошка заколотилась в дверь ванной.

– Катька, выходи! Давай, давай шустрее!

– А что? Я готова! – открыла ей дверь Катя, картинно подбоченясь и улыбаясь ярко накрашенным ртом. – Похожа я на падшего ангела?

– О боже... – невольно отступила Сонька, тараща на нее удивленные глаза. – Ну и намалевалась! А вообще, ты знаешь, тебе даже идет...

Звонок снова захлебнулся нетерпением, и Сонька опрометью бросилась открывать, успев на ходу глянуть на себя в зеркало. Резко вдохнув и выдохнув, Катя вышагнула из ванной в прихожую, расправила плечи, вскинула подбородок. Все. Отступить некуда. Будь что будет.

Двое мужчин уже толклись в открытой двери, соревнуясь в вежливости, кто кого вперед пропускает. Веселые, уже немного пьяненькие. Толстый и тонкий, как у Чехова. Интересно, который из них... Неужели вот этот, тонкий, непримечательно лысенький? Хотя нет, тонкий – это, скорее всего, и есть Алик. Вон как по-хозяйски обнял за плечи Соньку.

Значит, все-таки толстый. А впрочем, какая ей теперь разни́ца. Разни́цы-то никакой.

– Мальчики, познакомьтесь, это моя подруга Катя! – кокетливо выставила в ее сторону ладошку Сонька. – Хорошенькая, правда?

– Очень, очень хорошенькая! Катя, Катюша! – расплылся в пьяненькой улыбке Али́к и вдруг запел, фальшиво паясничая и неуклюже размахивая объемным шуршащим пакетом: – Ра-а-сцвета-а-ли яблони и груши... – И тут же, обернувшись к сотоварищу, вдруг произнес гордо: – Смотри, Вахо, какие в нашем городе красивые девушки живут! Настоящие Катюши, видишь?

Катя дернула уголками губ, пытаясь улыбнуться под направленными на нее мужскими взглядами. Что ж, Вахо, значит. Интересно, кто он? Имя какое-то странное. Лицо кавказской национальности, что ли?

– Очень приятно, Катя. Меня зовут Вахо, – широко шагнул к ней товарищ Али́ка, намереваясь, видимо, галантно приложиться к ручке.

И действительно, ладонь ее тут же утонула в горячей и мягкой мужской руке и даже была поднята вверх для поцелуя, но в следующую секунду вдруг повела себя совершенно не по правилам, то есть произвольно дернулась и вырвалась на волю, так и непоцелованная. Вахо поднял на нее удивленные глаза – черные, размытые алкоголем и усталостью, пронизательные и слегка грустные, моргнул немно-

го обиженно, но тут же и спрятал обиду за широкой улыбкой. Слишком широкой, чтобы быть искренней. Так, бывает, улыбаются большие начальники, когда интервью дают с экрана телевизора – все тридцать два зуба в камеру покажут, чтобы народ обаять. А Вахо, похоже, и есть этот самый большой начальник. Вон как Сонькин малахольный Алик перед ним подпрыгивает со своим нарочитым гостеприимным простодушием. И еще – почему-то сразу в глаза бросается, что Вахо от Алика сильно устал. И этот «поход по девочкам» ему на фиг не нужен. Да и возраст у него, уж простите, не юношеский – вон какая седина на висках заморозилась. Еще и неизвестно, как с «бесом в ребро» дела обстоят. А что? Может, он сейчас коньячку накатит, и все? И минует порядочную девушку судьба временной куртизанки?

Наверное, слишком уж искренней оказалась эта ее мысль-надежда, выброшенная ненароком в пространство. Хотя поначалу все шло вроде как безо всяких надежд. По Аликовому сценарию шло. Выпивка, еда, танцы, снова выпивка. И все время – горячая рука Вахо у нее то на плече, то на талии. А потом рука пьяно осмелела и на бедро переползла, и Катя застыла в немом омерзении, разбавленном довольной ухмылкой Алика. Под эту свою довольную ухмылку он и тост предложил за прекрасных дам, и неверной рукой щедро плеснул коньяку в мужские бокалы. А Вахо от избытка нарастающих эмоций еще дальше пошел – потребовал выпить стоя и до дна. И выпил. И только бес его в ребре знает,

что дальше с ним произошло, потому что на диван он после тоста не сел, а рухнул, уронив голову Кате на плечо. Сонька с Аликом, переглянувшись, застыли в растерянном изумлении, а она сидела и дышать боялась – не потревожить бы пьяного кавалера ненароком, вдруг проснется...

Вахо не проснулся. Как ни возились с ним Алик с Сонькой, все равно не проснулся. Спал, крепко смежив отекшие веки и распутившись усталым багрово-смуглым немолодым лицом.

– Софочка, Катя, помогите мне, надо его в постель уложить, – заботливо вздохнув, скомандовал наконец Алик. – Я сейчас уеду, а он пусть до утра здесь останется.

– Зачем, Алик? – удивленно моргнула пьяненькими глазками Сонька.

– Я сказал – останется! – тихо, но жестко повторил Алик и, взглянув на Катю, произнес уже мягче: – Мне с тобой надо поговорить, Катюша... Пойдем-ка на кухню.

Пожав плечами, Катя послушно отправилась за ним на кухню, оставив Соньку в крайнем недоумении.

– Вот что, Катюша... Я надеюсь, ты сообразительная девочка и постарайшься понять меня правильно, – проговорил он задумчиво и в то же время очень деловито. – Ведь постарайшься?

– Ну хорошо... А что надо делать? – удивленно пожала она плечами.

– Да ничего такого, собственно. Просто утром, когда Ва-

хо проснется, ты должна немножко... как бы это сказать... проявить уважение к моему товарищу.

– В смысле?

– А в смысле – подыграть. Ну представь себе картину – как он проснется, как ему неловко будет за свою мужскую несостоятельность. Согласись, это нехорошо даже по правилам гостеприимства. Понимаешь?

– Нет... То есть я не понимаю, что я должна...

– О господи, да ничего ты не должна! Ничего, кроме маленького коварства и маленькой хитрости! Надо просто всем своим видом, всем поведением намекнуть ему, какая была у вас бурная ночь и какой он ухарь-молодец оказался. Поняла? Не словами, а так... Жестами, полунамеками...

– Вы думаете, он поверит?

– Если постараться, то поверит. Я сейчас его на кровать перетащу, а ты ляжешь с ним под одно одеяло.

– Голая?

Она уточнила это обстоятельство с таким тихим ужасом в голосе, что Алик посмотрел на нее довольно странно. И ответил немного раздраженно, хотя вроде как пошутил:

– Нет! Ты ляжешь с ним в шубе и валенках! И шапку не забудь надеть!

– Извините... Да, извините, я все поняла...

– Вот и хорошо, что поняла. И еще это... Фактуры, фактуры для верности побольше изобрази! Ну, косметику по лицу размажь, волосы взлохмать...

– Вы думаете, он... поверит?

– Конечно, поверит! В таких случаях, девочка моя, мужика и обманывать особо не надо. Он сам обманываться рад. Ну так что, я надеюсь на тебя, Катюша? Мне, понимаешь ли, очень нужно, чтобы мой гость доволен был своим здешним досугом. Так что не подведи. Если он деньги утром тебе будет совать – тоже бери, не стесняйся. А то, я вижу, ты девушка скромная. И неопытная. И вообще случайно оказалась в подобной ситуации. Ведь так?

– Ну... Как вам сказать... – неуверенно пожала плечами Катя, оглядываясь на дверь.

– Ладно, мне пора... – поднялся с кухонного стульчика Алик, избавив ее от необходимости объяснений. – Пойдем, поможешь нашего гостя на постель перетащить...

Как только за Аликом закрылась дверь, на них с Сонькой тут же напала смешливая истерика. И чем залиvistее храпел Вахо, лежа на спине поперек кровати, тем больше душил дурацкий смех, прерываемый лишь короткими Сонькиными репликами:

– Ой, не могу... Фактуры, значит, побольше?

– Ага... Говорит, косметику по лицу размазать надо! – смеясь, вторила ей Катя, мотая головой из стороны в сторону.

– Ну вот! А ты боялась! Говорю же – не судьба тебе, Катя-ка! Не судьба! Так и помрешь, видать, в шибко порядочных!

– И не говори! А я, дура, приготовилась!

– Ага, размечталась! Ой, не могу...

Смех смехом, конечно, но исполнила она все в точности, как просил Алик. Зачем человека подводить, раз обещала? Тщательно сотворив на голове и на лице постсексуальный сюрреализм, разделась, легла на краешек кровати, подтянув к себе кусок одеяла. Вахо всхрипнул посильнее, перевернулся на бок, зачмокал во сне губами, потом застонал, проговорил что-то на незнакомом гортанном наречии. Потом снова захрапел, выдыхая из себя запах перегара.

Заснуть ей удалось только под утро. И снился почему-то давешний несостоявшийся работодатель Денис Андреевич – все постукивал карандашиком по столу – тук-тук, тук-тук... А потом у него на столе телефон трезвонить начал. Так громко, так настойчиво! Трезвонит и трезвонит, никакого покоя от него нет. Сколько уже можно? Придется просыпаться, иначе голова лопнет...

Открыв глаза, она подняла голову от подушки, огляделась, прислушалась. И обнаружила, что настойчивый звон происходит вовсе не из ее сна. Это ж дверной звонок надрывается. Вон Сонька пронеслась в прихожую тенью, на ходу запахивая халатик. Наверное, это Алик приехал – Вахо забрать... Чего же он так рано? Она и роли даже своей заказанной не сыграла, Вахо-то спит еще... Или... это не Алик? А кто тогда?

В следующую секунду ей показалось, что у нее начались слуховые галлюцинации. Она даже головой потрясла, чтобы

избавиться от ужасного наваждения. Потому что это не могло быть ничем другим – только наваждением. Потому что из прихожей доносился голос мамы. Да, это именно ее нотки – строгие, приказные, безапелляционные, в которых тут же и утонули Сонькины удивленные восклицания. Да, точно, мамин голос... Откуда?! Этого просто быть не может, потому что этого в принципе быть не должно...

Морозец ужаса змейкой прополз по позвоночнику, парализуя все на своем пути. Подтянув одеяло к горлу, она перестала дышать, лишь рот сам по себе открывался и закрывался да сердце трепыхалось в груди, не находя себе места. Откуда здесь, в Сонькиной квартире, вдруг мама взялась? А мамин голос в прихожей все нарастал, перекрывая собой слабое Сонькино сопротивление, и вот уже ее громоздкая фигура в черном брючном костюме с ярким шарфом, намотанным удавкой вокруг мощной шеи, нарисовалась в проеме двери. Да, точно, мама. О боже, ужас какой. Значит, сейчас мама увидит свою дочь Катю в постели с мужчиной. Вернее, не дочь Катю, а все, что от нее на этот момент осталось. Вялое дрожащее ничтожество. Да еще и абсолютно голое.

– Господи, Екатерина! Что все это значит, можешь объяснить? Что ты здесь делаешь? И... кто это с тобой?

Оттолкнув копошащуюся под локтем Соньку, мама решительно прошагала через комнату, резким движением попыталась сдернуть с кровати одеяло. Но отдернулось оно странным образом только со стороны Вахо, накрыв Катю с голо-

вой. Потому, наверное, что пальцы у нее от страха на этом одеяле заклинило, когда она его к горлу подтягивала. Хорошо, что оно ее с головой накрыло. Можно какое-то время маме в лицо не смотреть.

– Кто это, Екатерина, я тебя спрашиваю?

Мамин голос из-под одеяла звучал намного глуше. А самое главное – можно было не отвечать. Как она из-под одеяла ответит?

– По... позвольте... Что вы здесь делаете, женщина? Вы кто? – хрипло-испуганно вступил в этот странный односторонний диалог проснувшийся Вахо.

– Это я вас хочу спросить, что вы здесь делаете! – снова прогрохотал над головой мамин грозный голос. – Что вы сделали с моей дочерью, старый извращенец? Что вообще здесь происходит, я хочу знать?

– Кто извращенец? Я? Извращенец? Да я... да вы... Вы кто вообще? Соня, что происходит? Кто эта женщина?

– Молчать, я сказала! Я сейчас милицию сюда вызову! Екатерина, вставай и одевайся немедленно! Мы едем подавать заявление в милицию! Ты у меня за изнасилование как миленький сядешь, извращенец старый!

– Ка... какое изнасилование?

Лежа под одеялом, Катя почувствовала, как жалобно скрипнули пружины матраца под бедным Вахо. Наверное, стоило и впрямь его пожалеть – при других обстоятельствах. А в этих, уже сложившихся, духу на жалость уже не осталось.

Самой бы живу остаться. Уж она-то свою гневливую маму знает. Наверняка стоит сейчас над бедным голым Вахо соляным столбом, уперев руки в боки, испепеляет орлиным взором.

– Он еще у меня спрашивать будет, какое изнасилование! А ты как думал, сволочь? Завлекли мою дочь в публичный дом, надругались, еще и удивляется!

– Ну, знаете! Вы вообще-то выражения подбирайте! – вступил в эту какофонию и Сонькин визгливый голосок.

– А чего мне их подбирать? Что я, сама не вижу? Девицы, бутылки на столе, голый мужик... Что это, если не публичный дом?

– А если даже и так, вам-то какое дело? Ворвались, командуete тут! Это моя квартира, я здесь хозяйка, понятно вам? – поднялось до самой высокой нотки Сонькино возмущение.

– Но это же моя дочь! Что она здесь делает?

– О господи... Да кому она нужна, ваша дочь! Можно подумать, она малолетка несовершеннолетняя, ни разу не трахнутая. Да и не было ничего, никто ее и пальцем не тронул...

– Ага! Так я вам и поверила! Лежит с мужиком в постели, и никто пальцем не тронул!

– Ой-ой, женщина... Давайте без полемики обойдемся, а? Я надеюсь, вы не собираетесь именно сейчас открывать дискуссию на эту тему? – парировала Сонька с нервным смешком в голосе. – Давайте забирайте свою невинную дочь и проваливайте! И не смейте оскорблять моего гостя! Он тут

вообще не при делах, понятно?

– Где? Где моя одежда? – окончательно проснувшись, требовательно и властно вдруг возопил Вахо. – Принесите мне кто-нибудь мою одежду!

– Сейчас, Вахо, сейчас! – сменила тон со скандально-насмешливого на почти лебезящий Сонька. – Простите, Вахо, я сейчас... Я Алику позвоню, он за вами приедет...

– Ах, тут еще и Алик есть? Вот и хорошо, пусть едет! Я сейчас в милицию... – никак не могла уняться мама.

Катя слышала через одеяло, как тяжело она справлялась с гневливым дыханием, даже фразу до конца проговорить не смогла.

– Да отстаньте вы со своей милицией, женщина, – вдруг тихо, но довольно злобно произнесла Сонька. – Как вы понять не можете, что это не те люди, которых можно схватить за шкварник и потащить в милицию. Давайте валите отсюда подобра-поздорову, пока сами в милиции не оказались. И чем быстрее, тем лучше. Мой вам совет.

– Одежду мне дайте, наконец! – снова прорычал Вахо так, что Сонька лишь ойкнула испуганно и зашелестела полами халатика. Наверное, за одеждой рванула.

Наверное, и мама что-то услышала в его начальственном рыке для себя не очень хорошее. Катя почувствовала через одеяло, как ее ладонь жестко опустилась ей на живот, отчего его тут же свело неприятной судорогой.

– Ладно. Мне все понятно, – произнесла она устало и

непривычно покладисто, – вставай, Екатерина, собирайся. Домой поедем. Надо же... Вот уж не думала, что ты... Ладно, вставай. Внизу отец в машине ждет. Где твои вещи?

Что происходило дальше, Катя почти уже и не помнила. Образовалась в голове и в теле странная тупая вялость, как при высокой температуре. Когда видишь картинку, а смысл ее до тебя не доходит. Когда весь организм немеет и от всего кричащего и кругом происходящего равнодушием самосохраняется. Вот и она – равнодушно встала, равнодушно оделась. Под присмотром мамы начала собирать вещи в чемодан. Хорошо, Сонька догадалась Вахо на кухню увести. Хотя какая теперь уж разница... Все равно теперь.

Потом они вместе с мамой с трудом застегивали молнию на чемодане. Молчали, пыхтели. Мама навалилась на него всем туловом, и молния ничего, поддалась. Распрямившись и смахнув капельки пота с мокрого от стараний лица, мама с нарочитым грохотом покатила чемодан по дубовому ламинату. Зачем-то еще и в спину ее подтолкнула, будто уничтожая попытку к сопротивлению. Опять же – молча.

Уже от двери Катя оглянулась, поймала взгляд выглянувшей из кухни Соньки – она там, по всей видимости, начальственного гостя кофе отпаивала. Никакого сожаления на Сонькином лице по поводу их бесславного расставания не было. Лишь взгляд поймал последний жест – Сонька выразительно покрутила пальцем у виска, мотнув подбородком в мамину спину.

В лифте ехали молча. Выйдя из подъезда, Катя сразу увидела отцовский голубенький жигуленок. Отец открыл дверцу, выскочил из машины, радостно заулыбался ей навстречу, но тут же и сник, почуяв по виду мамы недоброе, засуетился с чемоданом, укладывая его в багажник.

– Постой... А где твоя синяя куртка? – вдруг озадаченно спросила мама, прежде чем сесть рядом с отцом на переднее сиденье.

– Забыла – там, в шкафу, в прихожей... – вяло махнула рукой Катя. – Да бог с ней, с курткой, мам...

– Как это – бог с ней? Она, между прочим, денег стоит!

– Хорошо. Я сейчас принесу, – покорно развернулась в сторону Сонькиного подъезда Катя.

– Нет! Садись в машину! Я сама принесу!

Проводив квадратную материнскую спину глазами, Катя плюхнулась на заднее сиденье, захлопнула дверцу. Отец обернулся к ней озабоченно:

– А что произошло-то, Кать?

– Да ничего, пап. Ничего особенного не произошло. Ты лучше скажи: откуда вы здесь взялись?

– Так это... Мама тебе вчера звонила весь вечер, а ты никак трубку не брала. Она переволновалась, ночь не спала... А как только рассвело, она меня разбудила и говорит – ехать надо! Сердце, говорит, беду чувствует. Ну, мы и приехали... А в общежитии твоём сказали, что ты давно съехала. Ну, мы тогда в институт, в деканат, мама переполошила там всех...

Начали твоим бывшим однокурсникам звонить, и девочка какая-то назвала этот адрес. Вроде того, что ты давно уже здесь обитаешь. Зачем ты врала-то, Кать? Мама, она ж переживает за тебя...

— Ладно, пап. Тихо, вон она уже идет. С моей синей курткой. Заводись, поехали.

Всю дорогу до Егорьевска ехали молча. Лишь один раз мама обернулась к ней, окатила недолгим взглядом. И непонятно было, чего в этом взгляде больше — презрения или озабоченности ее судьбой. А может, всего было поровну. По крайней мере, других компонентов уж точно не было.

— Ой, Катька... Привет... Тебя чего, мама домой притащила, что ли?

Потянувшись, Милка села на кровати, по-детски протерла глаза. У нее все жесты были немного детскими, хотя давно бы уж повзрослеть пора. Никак не тянула Милка на старшую сестру, даже выглядела как девочка-подросток. Вернее, как хулиган-подросток. Маленькая, невразумительно для своих двадцати восьми лет щупленькая, белобрысая, лицо в мелких конопушках. Но, надо сказать, конопушки ее совсем не портили. Наоборот, очаровывали. Только почему-то не находилось среди очарованных Милкиными конопушками особой мужского пола ни одного подходящего для серьезных отношений. По крайней мере, так мама всегда считала. Потому что всякие там рокеры и байкеры не в счет. Потому что в

Милкины двадцать восемь давно уже пора обзавестись приличным мужем, домом и детьми и не позорить семью затянувшимся несерьезным девичеством.

– Привет, сеструха. Вставай, хватит дрыхнуть, – устало плюхнулась на стоящую у другой стенки кровать Катя. – Поговори хоть ты со мной, поддержи как-то. Иначе я реветь начну. Истекать слезами собственного ничтожества.

– А что случилось, Кать?

– Ой, лучше не спрашивай...

– Ну вот! А сама просишь – поговори!

– Да я в том смысле, что нормально поговори... Как человек с человеком...

– На посторонние темы, что ли?

– Ага. Давай на посторонние. Расскажи мне, какие у вас тут новости. Замуж не вышла?

– Ой, Кать, лучше не спрашивай! А то я тоже реветь начну. От ощущения, как ты говоришь, собственного ничтожества.

– А что случилось, Милк?

– Да наша правильная мамочка тут мне такое устроила...

Фу, даже вспоминать тошно! Ты даже не представляешь, как она... Что она...

Фыркнув, Милка резво соскочила с кровати и, прикусив губу, начала вдруг озираться по комнате. Потом, хлопнув себя по лбу, присела на корточки, выудила из-под прикроватного коврика сплюсненную пачку сигарет, воровато огляну-

лась на дверь, спросила шепотом:

– Ты не знаешь, она сейчас где? На кухне?

– Нет... По-моему, спать ушла.

– Катя, я тебя прошу... Постой у двери, а? Посторожи, а я в окно покурю.

– Ладно. Кури.

Прислонившись спиной к двери, она некоторое время наблюдала молча, как Милка делает первые жадные затяжки, потом произнесла удивленно и грустно:

– Надо же, как это мама до сих пор тебя на куреве не поймала?

– Да уж... – обернулась от окна Милка. – Представляешь, как со стороны смешно смотрится – бабе двадцать восемь лет стукнуло, а она до сих пор от матери сигареты под коврики прячет.

– Да. Было бы смешно, если б не было так грустно. Ну скажи, почему у нас нет никакой способности к сопротивлению? Вообще никакой?

– Хм... Я, что ли, должна тебе это объяснять? Ты же у нас теперь психолог с высшим образованием, вот и найди объяснения!

– Да какие там, на фиг, объяснения... – уныло махнула рукой Катя. – Если с детства только и делаешь, что боишься сделать что-нибудь не так...

– Ага. И прибавь к этому еще и тотальный контроль и слежку. Я даже сигареты в сумке носить не могу, потому что

совершенно точно знаю: она в моей сумке при каждом удобном случае втихаря шарит. И в мобильнике – тоже. Это при том, повторяю, что мне двадцать восемь лет! А со Стасом как вышло – это уж вообще ни в какие ворота... Я еще и загулять с ним толком не успела, а она уже все про него знала – кто родители, чем занимается, сколько денег зарабатывает... Вот скажи – откуда?

– Так. С этого места поподробнее. Что у нас за Стас? Вроде в прошлый мой приезд никакого Стаса на горизонте не наблюдалось.

– Еще бы! Конечно, не наблюдалось. Потому что я не спешила про него никому рассказывать. Зная нашу приткую мамочку...

– Что, тайная любовь, да? И кто он, этот Стас?

– Кто, кто! Парень мой, вот кто. Бойфренд. Вернее, я хотела, чтобы так было. А теперь он стараниями мамы – мой жених. На полном серьезе. Представляешь?

– Нет. Не представляю. А что, прямо и свадьба будет?

– Да, будет!

– Опа... А я все думала-гадала, о каких таких новостях мне мама по телефону толкует...

– Ну, вот теперь знаешь. Что, легче стало?

– А чего ты психуешь-то? Не любишь его, что ли?

– Да в том-то и дело, что не знаю я! Люблю, не люблю... Люблю, наверное! Не в этом дело. Понимаешь, мы просто хотели для начала вместе пожить... Проверить себя. Ну, как

все сейчас делают. Снять квартиру и пожить... А мама... Она такой скандал закатила, я прямо вспоминать не могу! Взяла и к родителям его приперлась, пугать начала...

– Чем пугать? Ты вроде как совершеннолетняя, и даже более того!

– Вот именно – более того. А только у Стаса, понимаешь ли, родители магазинчик свой держат, и она им намекнула, что все гигиенические сертификаты через ее руки проходят. Так что в случае чего... В общем, они после ее ухода родненького сыночка к стенке приперли. А неделю назад свататься приходили, честь по чести. Катька, я же со стыда чуть не умерла! Ну вот скажи: можно такое простить, а? Я что, убогая, чтобы меня... таким образом замуж выдавать?

– Милк, а ты вообще, если честно, замуж за него хочешь?

– Да хочу, конечно, хочу... Но не таким же способом! Она ж не думает о том, что мне все это насильственное официальное замужество внапряг, ей вообще на мой напряг наплевать. Главное – цели достичь!

– Да уж... Признаки пассионария у нашей мамы явно присутствуют...

– Кого... признаки присутствуют?

– Пассионария. Ну, это личность такая, очень харизматическая, с большими амбициями. Для нее главное – флаг благих намерений впереди себя выкинуть. Скрыть за павлиньими амбициями свою банальную сущность. И все это на уровне бессознательного, понимаешь?

– Ух ты! Не зря ты в своем платном институте четыре года корячилась. Красиво говоришь, заслушаться можно. И про павлиньи амбиции, и про банальную сущность... Точнее про нашу мамочку и не скажешь! Я потом эти словечки получше выучу, ты мне их на листочке запиши. Классная феня, мне понравилась. Теперь понятно, для чего она эту дурацкую свадьбу придумала, с фиалками на моей бедной голове. Раз она этот, как его...

– Пассионарий.

– Во-во... В долги залезла, но решила и постановила, что непременно должна быть свадьба, с машинами, с лентами, со сборищем гостей. Образцово-показательная, чтобы семью не позорить. То бишь амбиции свои потешить. Нет, ты представляешь меня в белом платье с фиалками, а?

Вздохнув, Катя посмотрела ни Милку с жалостью. И вдруг почувствовала, как шевельнулось внутри что-то вроде завистливого раздражения к сестре – впрямь, чего ее жалеть-то? Подумаешь, свадьбу ей решили сыграть! Катастрофа прижизненная! Вот у нее теперь – действительно катастрофа. Это ее по-настоящему жалеть надо, а не Милку. Нет, в самом деле, сестра называется – только и трещит о своих собственных обидах на маму! А если вдуматься, кому о них Милке еще и потрещать-то? Наверняка – некому. Потому что ей тоже – стыдно. Наверное, их сестринская дружба на этом обстоятельстве только и держится – чтобы обиды на маму друг перед другом обнажать. Как это бывает, например,

в рабочих коллективах – все объединяются в едином порыве дружбы против деспота-начальника. Так и они с Милкой объединились в порыве нелюбви к собственной матери. Топчутся обе на этом жалком пяточке, свою долю жалости друг от друга требуют. Фу, каким это кошунством звучит...

– Да ладно, Милка. Плюнь и перетерпи, – подавив внезапно возникшее внутри раздражение, улыбнулась Катя сестре, – зато замужней будешь, вроде как из-под ее контроля сбежишь.

– Ага, сбежишь от нее! Будешь бежать – в спину расстреляет! А перед расстрелом объяснит, что она все только от большой материнской заботы делает. Забота о детях – долг чести каждой порядочной матери. Вырастить, обучить, замуж пристроить, потом пожизненно контролировать. А любить и уважать – необязательно. Главное – долг честной жены и хорошей матери соблюсти. Чтобы люди не осудили. Она и отца потому от себя не отпускает...

– Не поняла... Куда не отпускает?

– Ах да, ты же не в курсе... Папа-то наш втихаря себе любовницу завел! Интересно, как это ему удалось? Похоже, она уже и беременная.

– Что... правда?!

– А чего ты так перепугалась? Ну, завел, и давно пора. Еще удивительно, как он столько лет нашу маму выдержал.

– Милка... Но это же... Этого же не может быть! Откуда ты взяла?

– Откуда, откуда! От верблюда! Я сама ночью слышала, как он жалобно у матери просился – отпусти, мол, меня, Асенька, отпусти... По-моему, плакал даже.

– А мама что?

– Догадайся с трех раз!

– Она... не отпустила?

– А то! Гордо так ему заявила, что никаких меж ними сексуальных отношений отныне быть не может. Так и сказала – «отныне». И что он сколько угодно может... Погоди, как это Мордюкова смешно говорила? Тайно посещать любовницу – во как! И что юридически их брак должен быть прозрачным для окружающих. Так и сказала, ей-богу, не вру, – прозрачным для окружающих! Чтобы детей не позорить, то бишь нас с тобой. Так и будем теперь жить – неопозоренные.

Пульнув окурком в открытое окно, Милка приноровилась было тут же прикурить и вторую сигарету, но вдруг трепыхнулась, обернулась пугливо, наострив ушки.

– Ты слышала? По-моему, дверь в спальню скрипнула...

– Да нет, тебе показалось. Кури.

– Кать... Ты выйди, проверь, а? Представляешь, какой тут яростный концерт будет, если она меня застучает?

– Тогда не кури.

– Так не могу, я же нервничаю! Не каждый день замуж выхожу.

– А свадьба когда?

– Через две недели. Мама в ЗАГСе договорилась, чтобы

два месяца не ждать. Испугалась, наверное, что Стас передумает. Очень уж ей хочется материнский долг в отношении старшей дочери поскорее исполнить! Кать, ну выйди, проверь, чего там...

Вздохнув, Катя тихо выскользнула в коридор, на цыпочках прошла до двери гостиной. Все-таки неудобная у них квартира – самая обыкновенная панельная трешка с кухней-пеналом и среднего размера комнатенками, выстроенными кряду, как в общежитии. Гостиная, родительская спальня, детская. Да и обстановка замшелая какая-то. В гостиной – старая стенка, диван с креслами выстроились вдоль стены в шеренгу, цветастый ковер на полу. В углу, в декоративной кадке, огромная искусственная пальма – чей-то подарок на чей-то юбилей. Мамин, кажется.

Подойдя к дивану, она провела рукой по его велюровой, когда-то ярко-голубой, а теперь будто тронутой сединой обивке, задумчиво присела в кресло. В глаза бросилась большая семейная фотография, зажатая меж стекол стенки – мама, папа, они с Милкой маленькие еще, с бантами на макушке. Все улыбаются напряженно в объектив, ждут, когда птичка вылетит. И отец тоже улыбается, а глаза все равно грустные. И очень пронзительные. Так улыбается человек, который должен улыбаться во что бы то ни стало и вопреки спрятанной в душе способности к сопротивлению. Интересно бы посмотреть, что там за любовница у него завелась...

От этой мысли стало совсем уж нехорошо. Нет, и впрямь,

не надо, чтоб он уходил. Понятно, что ему тяжело жить с маминым характером, но все равно – не надо! Да и не впишется мама в роль отставной жены-брошенки. Такое и на минуту представить себе невозможно. И вообще – лучше не думать об этом...

Будто сбегая от пугающих мыслей, она быстро поднялась из кресла, подошла к окну, отдернула белую кипень портьеры. Ого, а за окном-то – дождь, что ли? Или ей кажется? Кусок улицы с хрущевскими промокшими пятиэтажками и булочной на углу тут же всплыл по-хозяйски в комнату, обволокло ее пространство унылостью. Да, дождь. Как призрак. Они разные бывают, дожди. Бывают юные, короткие и веселые, бывают шумные и обстоятельные, а этот – сутулый брюзга-призрак. Дождь города Егорьевска. Даже прохожие идут без зонтиков, просто подняв воротники и втянув головы в плечи. Очень мало прохожих. Сегодня же суббота. Спят все. А завтра – воскресенье. А потом – понедельник. И в окне – только кусок улицы с пятиэтажкой и булочной на углу. Тоска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.